

За повесть "Ночевала тучка золотая" писателю А. Приставкину присуждена Государственная премия СССР. "И только правда ко двору"

С писателем Анатолием ПРИСТАВКИНЫМ беседуют наши корреспонденты Р. ВАЛИТОВА и Г. ЛЕБЕДЕВА.

КОРР. Анатолий Игнатьевич, недавно были опубликованы отрывки из вашей новой повести "Кукушата, или Жалобная песнь для успокоения сердца". Ее герои не знают правды о своем прошлом; растут такими болванчиками, но наступает прозрение, которое оборачивается невероятной жестокостью с их стороны. В этой ситуации можно усмотреть аналогию с сегодняшним днем: восстановление исторических истин, ревизия сталинщины, брежневщины. Они вносят растерянность, сумятицу в умы, отмежевывают одних от других. Не окажемся ли мы в роли таких кукушат?

ПРИСТАВКИН. Я хорошо знаю, что такое жизнь без биографии. Вместо собственной истории - легенда. Наступают странные сдвиги в сознании. Однажды, убежав из детдома, я провел около двух месяцев в яме, съел всю траву, насекомых, потом принялся за собственную руку. И меня оттуда никак не могли вытащить, я кричал и кусался, как звереныш. Я" стал им, а яма моей норой, единственным домом.

Правда это всегда болевой шок, но на нее вся надежда. Она должна питать нашу мораль, нравственность. Сталинщина такое натворила, что расхлебывать и расхлебывать. Фальсифицировалась история, происходила подмена культурных, нравственных ценностей. В какой-то степени нам тоже была уготовлена участь кукушат: корни отсечены, потому что прошлое за семью печатями упрятано и будущее за нас расписано.

И вдруг завеса с тайны слетела, и обнажилось многое из того, о чем мы не знали. Горечь, боль, разочарование, стыд, страх - какая волна чувств захлестнула нас, прозревших! Она разметала кого - налево, кого - направо. И это хорошо. Стало ясно, кто есть кто. Правда - это единственное, что вылечит наше общество, поможет делу перестройки.

Больше чем кто-либо, по-моему, сегодня это понимают писатели. Осознают всю ответственность момента, поэтому и книги у них рождаются такими горькими, такими беспощадными.

КОРР. Среди них и ваша повесть "Ночевала тучка золотая", с такой откровенностью заговорившая о том, о чем долго умалчивалось, - о лишении прав, уничтожении сталинским режимом целых народов. С поразительной прозорливостью повесть поставила национальные проблемы в ряд неотложных за несколько лет до конфликта в Нагорном Карабахе, Прибалтике.

ПРИСТАВКИН. Эта книга мое пережитое. Я ничего не придумал, все, о чем в ней рассказано, происходило на самом деле, и волею судьбы, которая забросила наш подмосковный детский дом на Кавказ, я стал очевидцем тех далеких событий. Знаете, один из тех, кто выселял тогда чеченцев, бросил мне упрек: "Зачем ты об этом написал? Это нельзя вспоминать... Подобные открытия нужны только на Западе".

Сейчас Суламбек Мамиллов снимает по повести фильм. Суламбек подарил для нее несколько историй из своей жизни, за что я ему очень благодарен. Например, эпизод, когда могильными камнями стелют дороги... Этот человек все положил, чтобы делать мою картину. Пожертвовал "Хаджи-Муратом", съемки которого пробивал десять лет.

Снимается картина в тех самых местах. Когда чеченцы узнали, что денег на какие-то эпизоды может не хватить, они предложили свои.

После выхода повести моя московская квартира превратилась в "комитет по делам национальностей". Письма идут отовсюду. Их больно читать. Из головы не выходит письмо одного шофера. За год до окончания войны он попал в больницу, где лежало множество татарских детей. Потом они вдруг исчезли куда-то. Привезли новых, но и они вскоре пропали. Потерявшего сознание, его по ошибке отправили в морг. Очнулся он среди трупов тех самых ребяташек.

Позже шофер узнал, что татарских детей, родители которых бедствовали, были лишены пищи, крова, отправили на подкормку, но их желудки не выдержали, и они погибли.

А кто знает о страданиях крымских греков, которые, кстати, доставляли в осажденный Севастополь воду и среди которых не было предателей? Их выселили в Казахстан. Сибирь. А где они теперь?

А чеченцы-аккхинцы? Их так и не вернули в родные места, а только разрешили хоронить на своих старых кладбищах близких. В их домах, на их земле живут уже внуки и правнуки горцев, которых сюда тоже насильственно переселили. Они не виноваты ни в чем, но как разрубить этот узел?

Такое творилось в те годы, что кровь в жилах стынет. У меня друга распяли так же, как одного из Кузьмёнышей. Но не на заборе, на дереве. И то, что Колька спасает Алхузура, обретает в нем брата, - в этом философский, если хотите, христианский мотив повести. Распятие, вознесение героя и его воскрешение в облике другого, другой национальности.

КОРР. Вашу повесть называют обжигающей. Читаешь - и кажется, что сердце вот-вот остановится - не хватит воздуха. Расскажите, как она писалась и выходила в свет.

ПРИСТАВКИН. "Тучке" предшествовала другая повесть - "Солдат и мальчик". Она была написана в 1971 г., но ее раскритиковали за то, что автор увидел какую-то не известную никому войну. Ни один писатель-фронтовик меня не защитил. Позже я понял почему. Фронтовики знали войну со стороны фронта, тыл им представлялся некоей героической массой из баб, которые стоят у станков, мужиков, которые пахут поле. Этот стереотип очень надолго вошел в литературу. Я же показал тыл, оказавшийся пугающим войной: банды, спекуляция, насилие над детьми, жесткая система отношений. Поэтому подвергся остракизму со стороны критики, и повесть не издавали книгой 11 лет.

Каждые десять лет я почему-то возвращался к теме: дети, война, сиротство. Каким-то особым образом выходить на материал мне не приходилось, наоборот, его приходилось поглубже прятать в себя, чтобы он не разорвал душу. Когда носить его становилось невозможно, я хватался за перо и выплескивал. Так случилось и с "Тучкой".

В 1981 г. я закончил повесть, но у меня не было какого-то легального способа обнародовать ее. Причины не только в самой повести, а и в той обстановке, которая царила в стране, в Союзе писателей, где меня считали писателем боковым, ненужным. С 1969 по 1979 г. я не смог опубликовать ни строчки прозы. Как говорят, перебивался на очерках. Ко времени "Тучки" у меня в столе лежали еще три неопубликованные вещи: "Рязанка", "Судный день", "Солдат и мальчик". Обстоятельства складывались так, что я всегда работал, как говорится, с вывернутой шеей, потому что приходил к читателю с опозданием на 7 - 9 и больше лет.

Словом, я выбрал для обнародования повести не совсем легальный путь, но другого не было. Собрал у себя на квартире друзей и устроил читку. Когда обзванивал, соврал, что приглашаю на вино "Изабелла", которое недавно привез с Кавказа. Естественно, все пришли, и, выбрав момент, я попросил разрешения прочитать одну-две главы из "Тучки". На лицах отразилось неудовольствие, но деваться моим гостям было некуда.

И вот прочитал одну главу, вторую - слушают. Третью начал, чувствую - не могу больше, слезы душат... Кто-то отобрал у меня рукопись и стал читать дальше. Так мы просидели два с лишним часа, потом молча разошлись. Я понял, что что-то произошло. А один из гостей подошел ко мне и сказал с оглядкой: "Спрячь это...". Мой друг Леня Жуховицкий спрятал повесть у своих родителей. Была надежда, что, если те экземпляры рукописи, что лежали дома, арестуют, хоть один сохранится. Недавно Жуховицкие-старшие обратились ко мне с просьбой дать им почитать "Тучку" и очень удивились, когда узнали, что она долгое время хранилась у них в доме.

КОРР. А что произошло потом, после читки рукописи?

ПРИСТАВКИН. Произошло то, чего я никак не ожидал. Все мои слушатели позвонили почти одновременно и попросили почитать "Тучку". Я стал давать, и она пошла, пошла... На тот день, когда повесть стала уже в какой-то степени легальной, ее прочитали человек шестьсот. Среди них было очень много хороших, честных людей. Евтушенко, например, услышав от кого-то о "Тучке", попросил разрешения взять ее на неделю, но прочитал меньше чем за ночь. Разбудил меня в четыре утра и долго говорил о том, что значит для него эта повесть. Потом он мужественно поддерживал повесть до самого дня ее публикации.

Я долго добивался обсуждения повести в Союзе писателей, наконец оно было назначено на 20 декабря 1985 г. Вести его взялся Феликс Кузнецов, а содокладчиками вызвались Шугаев и еще несколько писателей. В Каминном зале Дома писателей набилось много народу, стояли на лестнице, в ресторане.

Заседание проходило бурно. Шугаев сказал, что нелитературно, ненужно и необъяснимо все, что касается положения на Кавказе. Кузнецов добавил, что повесть зазвучала бы, если бы Приставкин переделал этих непонятных черных людей в горах в оставшихся там фашистов. На что Игорь Минутко с возмущением ответил, что сейчас на глазах у присутствующих вы сотворяете из писателя диссидента.

КОРР. Как вы считаете, может ли сегодня повториться все то, что произошло с вами?

ПРИСТАВКИН. Думаю, что нет. Я сужу об этом хотя бы по тому, как прошло обсуждение романа Анатолия Злобина "Демонтаж". Не было страха перед микрофоном, не запрещали вести стенограмму. В будущем году этот сатирический роман о Сталине будет напечатан в журнале "Нева".

Но все же осмелились на такое обсуждение не прозаики, а очеркисты. Дело в том, что сам Союз писателей остался прежним. Подтверждение тому - наша неудавшаяся попытка ввести сменных секретарей. Пленум правления Союза писателей не проголосовал за него.

Но какие-то изменения уже происходят. Например, мне впервые не воспрепятствовали в поездке за рубеж, и я смог принять предложение Баварской академии искусств. У меня там был вечер, на который пришло много писателей-эмигрантов. Я встречался с Войновичем, Владимовым, Синявским. По приезде написал статью об эмиграции, о том, что в нашу культуру надо возвращать такие имена, как Некрасов, Коржавин, Войнович, Аксенов, Копелев.

КОРР. И все-таки, Анатолий Игнатьевич, что вас как писателя обнадеживает в нынешнем состоянии общества?

ПРИСТАВКИН. Я бы сказал, что основная надежда сегодня на тех людей, которые активно помогают перестройке. Среди них академик Лихачев, писатели Бакланов, Адамович, Евтушенко. Сейчас каждый совершает поступки, чтобы хоть на сантиметр продвинуть перестройку. Естественно, что я тоже пытаюсь это делать. Как только приехал из Мюнхена, добивался публикации произведений Войновича, и не только его.

Какие проблемы надо решать в первую очередь? Проблему детей и женщин. Французский утопист Фурье говорил, что нравственный и социальный уровень общества определяется отношением в нем к женщинам. Я добавлю - и к детям. По статистике только каждая пятая женщина в стране рождает без патологии. Детская смертность высока. Из того мизера средств, которые выделяются на здравоохранение, лишь 7% идет детским больницам и поликлиникам. Мы мало думаем о том, какое поколение вырастает, каким будет его нравственное и физическое здоровье.

КОРР. И в заключение нашей беседы разрешите поздравить вас с присуждением Государственной премии СССР!